

МАКСИМ КАНТОР

ИМПЕРИЯ НАИЗНАНКУ

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ПУТИНСКАЯ РОССИЯ

Максим Карлович Кантор
Империя наизнанку. Когда закончится путинская Россия
Серия «Власть без мозгов»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8915034

*Максим Кантор. Империя наизнанку. Когда закончится путинская Россия: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-0972-4*

Аннотация

«Как долго может продолжаться то безвременье, в котором мы сейчас живем? Путин не вечен, но не все это понимают. Хотя, вроде бы очевидно, все люди смертны. А вот Россия будет существовать и без Путина. Но как существовать? Что это будет с Россией и Украиной? Времени осталось мало. Скоро нам придется привыкать к совсем новой стране. Новой и непривычной.» (М.Кантор) Автор этой книги известный художник, писатель и публицист Максим Кантор – человек неординарный. Вчера он поссорился с либералами, а сегодня нарываясь на скандал с «верными путинцами». И все из-за Украины. «Если все то, что происходит со страной, а именно: ссора с внешним миром; потеря авторитета в международном сообществе; обвал в экономике, построенной на

спекуляциях ресурсами; потеря капиталов; инфляция; изъятие пенсий; общественная истерия; принятие полицейских мер; убийство граждан на бессмысленной войне; установка на войну как единственную меру восстановления жизни – если все эти мероприятия проводят ради того, чтобы забрать Крым у Украины и дать ограбленному населению видимость жизненной цели – если все это и впрямь так, то авторы этого замысла – дураки». (М.Кантор).

Содержание

Часть первая. Письма о новом фашизме	6
Кантор: Новый Франкенштейн	6
Мийе: Фальшивая реальность	28
Кантор: Две Европы	31
Мийе: Рынок vs христианство	45
Кантор: Определение фашизма	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Максим Кантор
Империя наизнанку.
Когда закончится
путинская Россия

© Кантор М., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Часть первая. Письма о новом фашизме

Кантор: Новый Франкенштейн

Месье, пишу Вам в тяжелые дни: мир стоит на пороге войны, а в Восточной Европе война уже началась.

В России считают, что Запад – враг, готовятся к большой войне с Западом. Российская «перестройка», вызванная желанием объединения с западной цивилизацией, закончилась кровью.

Сегодня, после очередных лет ученичества у Запада, Россия решила, что ее дорога лежит на восток, и, по слову русского поэта, повернулась к Западу «своею азиатской рожей».

Сегодня идет война между войсками так называемого «народного ополчения Донбасса», которые отбирают часть украинской территории в пользу Российской империи, и украинской армией, которая пытается удержать земли.

Для России эта война реальная, но не объявленная: фактически ведет войну именно российская армия, посылая через границу регулярные части, воюющие без опознавательных знаков, и тяжелое вооружение, с которого сбивают заводскую маркировку.

Существенно то, что война собственно с Украиной – эпизод в масштабной мировой войне; русские люди считают, что в лице Украины Россия ведет бой с Америкой. Западный мир, считает Россия, подошел слишком близко к русским границам; западный мир надо остановить.

Это убеждение сложилось как под влиянием пропаганды, так и от разочарования в западной цивилизации, к которой Россия была присоединена, как считает население, против воли.

Демократию русские люди сегодня проклинали: демократия ассоциируется с разграблением страны капиталистами.

Агрессия к Украине – месть Западу. В сознании русских людей существует убеждение, что Украина предала «русский мир», решив соединить свою судьбу с Европой. Символический разворот вспять от политики Богдана Хмельницкого касается не только самой Украины: отъединение Украины от России – это реальный конец Российской империи.

Военный ответ на политический украинский демарш стал единственным результатом перестройки. Иного результата нет.

Масштабного капиталистического строительства на территории России за годы капитализма не случилось; напротив – страна обанкротила и фактически уничтожила свою промышленность, а экономику строила на спекуляциях ресурсами.

Свои экономические беды Россия связала с утратой им-

перского статуса и территорий. Украина сыграла роль детонатора – а сам взрыв готовился давно. Сегодня в России начался процесс, который некоторые называют «славянской реконкистой» – империя собирает утраченные в ходе перестройки земли. Так уже было в тридцатые годы, когда Сталин восстановил размер империи Екатерины, утраченный в ходе социалистической революции, так происходит и сейчас.

Во время правления Екатерины полководец Суворов подавлял польское восстание; во время Брежнева вводили танки в Чехословакию; сегодня присоединяют украинский Донбасс, до этого присоединили Крым.

Парадокс лишь в том, что сегодня восстановление империи идет одновременно с разговорами о свободе. Россия начинала «перестройку» тридцать лет назад – с проклятия сталинским лагерям и страстного желания демократии западного образца. Демократию русские люди сегодня проклинали: демократия ассоциируется с разграблением страны капиталистами. Сталина практически реабилитировали: сегодня Сталина вспоминают как спасителя отечества – хотя весь пафос «перестройки» был направлен на разоблачение его преступлений.

Сталина вернули как кумира, но при этом желание свободы – осталось. Просто сегодня словом «свобода» обозначают совсем не то, что тридцать лет назад. Процесс восстановления имперских территорий называют «русская весна».

Термин «фашизм» применимо к Украине ввели обдуман-

но; сделали так, чтобы вызвать ненависть к украинцам.

Имперские войска, отрывающие Донбасс от Украины, считаются нынче освободительными, а украинские войска, республиканские, – считаются фашистскими.

Термин «фашизм» применимо к Украине ввели обдуманно; сделали так, чтобы вызвать ненависть к украинцам. Сегодня все поставлено с ног на голову: франкистская имперская идея предстает республиканской, путчисты в Донецке названы освободителями-социалистами, – а украинское правительство, в котором нет ни единого военного, именуют «хунтой». Напротив, Российское государство, в котором бесценно правит майор органов безопасности, «хунтой» свое собственное правительство не называет.

Чехарда смыслов отражает ту сумятицу, которая творится в сознании современного человека. Демократия сулила гражданам свободу, но обернулась (как убедили россиян) экономическим рабством, а Империя сулит рабство, но люди отныне ждут империю как свободу. Эту аберрацию понятий можно счесть следствием постмодерна, следствием общего релятивизма.

Сегодня релятивистское сознание прибегает к утверждениям радикальным, к войне – но генезис радикальных утверждений туманен.

Вас несомненно позабавит деталь: российские диверсанты, пришедшие в Донецк и возглавившие борьбу с Украиной, помимо чинов в российских органах госбезопасности,

имеют также философское образование – они окончили философский факультет, они – философы. И в речах диверсанта звучит спокойное утверждение: «Исходя из философии истории, государства Украина не существует». Повторяю: это не сочинение пост-модерниста – такой стала реальность.

Но и это не главное: со времен д'Аннунцио насилие притягивает дряблого интеллектуала; важно иное.

Я испытываю сожаления двойного рода: переживаю, что критиковал либерализм, и сожалею, что не критиковал либерализм достаточно сильно, так, как следовало его критиковать.

Парадокс сегодняшнего дня в том, что современный фашизм действительно выращен по рецептам свободного общества. Фашизм сегодняшнего дня пришел по плечам либерализма, это известный прежде сценарий. Все повторилось буквально, как это описывал и предсказывал Платон, как это сохранили в хрониках истории Веймарской республики. Однако особенность сегодняшнего дня в том, что новый эксперимент над мутацией либерализма был проведен не случайно, но с научной последовательностью, практически в лабораторных условиях.

После того, как моя страна изменилась известным вам образом – я испытываю сожаления двойного рода: переживаю, что критиковал либерализм, и сожалею, что не критиковал либерализм достаточно сильно, так, как следовало его кри-

тиковать.

Лаборатория эксперимента была обширна на пространстве уничтоженной социалистической системы коллективного хозяйства провели эксперимент насаждения либерального рынка: в результате вспыхнул национализм.

Эксперимент был с обширным полем исследований – результат практически везде одинаковый. Стороны конфликта, как правило, отражаются друг в друге – война это своего рода социальное зеркало. Во многом Украина воспроизвела все ошибки России, в том числе и национальный подъем сегодняшней России (его можно уже квалифицировать как агрессивный патриотизм или шовинизм) присутствует и в Украине. Однако российское общество крупнее, процессы перемен виднее именно в нем.

Не надо обольщаться, это не единичная тенденция поворота к фашизму – национализм и определенная фашизация общества сегодня проявилась везде: в Венгрии, в Греции, во Франции – Украина и Россия не исключения. Всякой стране свойственен свой инвариант фашизма; существует, разумеется, и греческий, и русский, и украинский варианты – со своим культурным генезисом.

Как новый фашизм будет преодолен миром, неизвестно: задача серьезнее, нежели преодоление германского фашизма – поскольку новый фашизм пришел сегодня после разочарования в демократии; новый фашизм вооружен знанием о несовершенстве демократии; новый фашизм опирается на

мнение народов, которых демократия обманула. И это делает новый фашизм неуязвимым для критики: народная поддержка на его стороне.

Рынок подменил демократию, причем демократия некоторое время этой подмены не замечала.

Проблему правильно обозначить следующим образом: вирус фашизма был преодолен демократией, однако вирус фашизма приспособился к демократии, сделал это лекарство недейственным; данный антибиотик устарел – возник устойчивый к нему вирус. Требуется антибиотик нового поколения, но нового лекарства пока нет. Старое – не справляется с вирусом: в демократию больше не верят.

Когда проект возрождения Русской Империи стал самым важным для населения (не забудьте: мечта об Империи возникла спустя четверть века после разрушения казарменного имперского государства), когда новая волна державной идеологии накрыла страну – со всеми запретами, наветами, гонениями на инакомыслящих, улюлюканьем толпы – в этот момент те, кто называет себя либералами и демократами, стали очевидными жертвами. Произошло это внезапно, обвально.

Еще вчера либералы жертвами не были, напротив – либералы были хозяевами жизни. В течение двадцати лет власть в стране ассоциировалась с демократической и отходила от демократических принципов постепенно; причем отходила далеко не всегда по причине тирании. Прежде всего, демокра-

тию потеснил рынок, который скорректировал общественный договор.

Говорилось о том, что демократия нуждается в либеральном рынке, и связь демократических и рыночных механизмов считалась естественной. Однако в реальности либерально-корпоративный мир подменил собой общественный договор. Общественный договор по природе своей должен пребывать неизменным и отношения гражданина и социума лимитированы взаимной ответственностью; рынок не знает лимитов и не склонен считать себя ответственным. Рынок подменил демократию, причем демократия некоторое время этой подмены не замечала.

Однако население – инстинктивно – заметило подмену быстро. Те, кого либералы называли «быдло», ненавидели демократов за свою нищету, связывая принципы прав человека с разорением страны.

Либеральную интеллигенцию ненавидели за легкие деньги и надменность. Либералы получали в редакциях большие зарплаты за незначительную деятельность; и впрямь, на фоне банкротства промышленности, огромные деньги тратились корпорациями на идеологическую работу, чтобы убедить население в том, что разорение страны необходимая ступень к свободе. К сожалению, пора либерализма в России завершилась, не оставив по себе памятников и свершений.

В годы Советской власти, когда хотели сказать комплимент, говорили «человек – непродажный». В годы владыче-

ства рынка стали хвалить только тех, кто хорошо продается.

А что же делали с гигантскими деньгами, спросите вы? Больниц для бедных не строили, за образование неимущих не боролись; писали колонки в гламурные издания, клеймили мертвого Сталина, посмеивались над косным населением, внедряли мысль, будто рыночный успех – критерий человеческой состоятельности.

Четверть века назад, когда социалистические казармы были сметены прогрессом (в те годы любили слово «прогресс»), российское население было немедленно ограблено. Нельзя сказать, что народ процветал до перестройки, отнюдь нет. Но когда возникли легальные возможности для изъятия последнего у людей, когда спекуляцию объявили наиболее достойным занятием – тогда жизнь объявили довеском к рынку, и все, что не вписывалось в рынок, умерло. Новые богачи стали флагманом перемен. Вкусы буржуев сделались критерием справедливости и красоты – ведь эти вкусы были проверены рыночной удачей.

На глазах менялось сознание людей: продавалось все. Прежде (в годы Советской власти) когда хотели сказать комплимент, говорили «человек – непродажный». В годы владычества рынка стали хвалить только тех, кто хорошо продается. Сочетание либерального рынка с демократией оказалось губительно для демократической идеи – она была вытеснена рынком, хотя правовую терминологию и сохранили.

Рыночный успех я не считал критерием; мне в те годы ка-

залось, что жадный рынок разрушает фундаментальную основу народной жизни, рушит нечто, что первично по отношению к рынку и к государству.

Меня раздражали бравые журналисты, которые были достаточно смелы, чтобы пинать мертвого Сталина, но крайне осторожны в критике непосредственного работодателя. Подвергали критике все, кроме того строя, который сложился. Сомнение – необходимый компонент сознания, но когда сомневаются избирательно, это уничтожает категорию сомнения.

С каким сладострастием рвали нувориши тоталитарную страну на части, сколь праведен был каждый пинок под задницу казарменной России. Казалось, что это – осмысленная работа: расправляться с косным прошлым страны. Отвергали победы, предания, историю, религию – все объявили неудачным черновиком западной истории. И многие русские возненавидели ту западную историю, которая стала основанием их унижения.

Помните зиновьевское: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»? Добавлю: попали в жителей России.

Быть против нео-либерализма естественно; это нормально – встать на сторону обездоленных. Нео-либерализм не имеет ничего общего с классическим либерализмом: аболиционистов там не встретишь: рынок жесток. Когда внедряли рыночную мантру, прозвучали слова либерального экономиста: если тридцать миллионов русских мужиков не впишутся

в рынок, что же делать? Это звучало как оправдание бесправия. Русскую культуру объявили неполноценной – все заменила мода и глянцевого успех. Я выступал против тех, кто это пропагандировал.

Помните зинovieвское: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»? Добавлю: попали в жителей России.

И вот сегодня – либералы в опале. Сейчас объявили войну с Западом неотвратимостью, и ожидание войны сплотило людей, разобщенных рынком. И либералы оказались тем, кого толпа воспринимает виновными в своих бедах.

Кровожадность – иного слова не подберу – охватила толпу; пусть придет возмездие! Людей убеждают в том, что они будут сражаться за все то, что у них отнял рынок. Людей заставили поверить в то, что все украли не их непосредственные начальники – но идеологи, теоретики рынка, заокеанские советчики. Не отечественный феодал виноват, нет! Виноват интеллигент, который отдал власть этому феодалу.

Это, разумеется, ложь. Население грабили отечественные феодалы, те самые, которые сегодня посылают население на смерть в борьбе с чужими странами.

Странно было бы предполагать, что население можно унижать так долго, и народ не взорвется в ненависти. Не ища обоснований, веря самому нелепому аргументу, стали готовиться к войне. И мнится людям: покорим соседний народ – и станем свободнее сами.

Читал в книгах о тридцатых годах – но не думал, что уви-

жу воочию: вчера угнетенные и жалкие – стали гордыми и гневными.

Отчего же возникла гордость? Ведь лучше жить никто из униженных не стал. Гордость появилась оттого, что могут отомстить судьбе. Вчера умирали порознь, ограбленные рынком, сегодня объединились в ненависти к тем, кто их обездолил. То есть им, пьяным ненавистью, кажется, что их обездолил западный мир – на деле они воюют с собственной грабительской историей, воплощенной в Украине, которая желает демократии и свободы. В лице Украины – мстят самим себе.

Людей унижали долгие годы тем, что показывали пример жирного довольного соседа. Значит, этого соседа надо ударить.

Любопытно здесь то, что, в сущности, этот агрессивный процесс – не отменил ни либерализма, ни демократии, ни корпоративного сознания. Это кажется невероятным, но, между тем, это именно так: демократические принципы показательно сохраняются – сегодня это волеизъявление народа, сплотившегося вокруг вождя; и корпоративность не отменили – действует тот же принцип избирательного чувства справедливости.

Так именно и было на недавних корпоративных бунтах: свергаем президента, но не главу концерна, который платит зарплату; этот же принцип повторили сегодня в военной истории: население готово воевать за свои права с чужой стра-

ной, но не с собственным правительством.

Позвольте, граждане, разве вас чужое правительство грабило эти годы? Разве это американские капиталисты урезали ваши пенсии и забрали себе вашу нефть? Но логика обиженного народа иная – людей унижали долгие годы тем, что показывали пример жирного довольного соседа. Значит, этого соседа надо ударить.

Вчера я болел за народ – сегодня народный энтузиазм мне отвратителен.

Между страстями толпы и жизнью народа – пропасть. Народ доводят до состояния толпы, а потом наступает момент бессилия власти, когда толпу бросают на прорыв цивилизации – причем ради захвата тех же рынков.

Рынок, примененный как критерий человеческой состоятельности, ужасен. Восстание против доктрины рынка – справедливо. Но разве сегодня что-то поменялось? Оттого, что людям вместо рынка предлагают войну – что изменилось? Никто и не думал отказываться ни от одного из захваченных рынком плацдармов бытия.

Война – это такой же рынок. Просто война – это самая последняя фаза рынка.

Оттого, что толпе сказали, что их соседи – фашисты, что поменялось в собственной жизни людей? Стала свободнее? Краше?

Люди стали свободнее оттого, что им разрешили издеваться над слабым соседом. Соседская глупость видна – и

она оттенила свои собственные привилегии.

Война – это такой же рынок. Просто война – это самая последняя фаза рынка.

Тридцать миллионов населения мешали при рыночной экономике, их перевели в мертвые души. Сегодня подошли иначе к проблеме лишних миллионов: вместо рынка дали войну.

Но война – тоже рынок. Надо эту мысль повторить много раз, слишком часто мы слышали, что война есть продолжение политики – но нет в мире сегодня иной политики, помимо рыночной. Война есть продолжение рынка, это простая девальвация рабочей силы.

Сегодня показалось, будто возникла симфония власти и народа. И впрямь так, когда народ посылают на убой – а это бывает уже от полного паралича власти, когда нет иного плана обогащения – тогда возникает солидарность стада с хозяином. Цена рабочей силы уравнивается с ценой жизни, а жизнь ничего не стоит.

У государства всегда есть последняя карта: поверх олигархов, поверх мелкого второсортного воря – правители обращаются к толпе. Братцы! Это плохие бары у вас все украли! А мы – бары хорошие. Иди на войну – и настанет возрождение.

Скажите, Ришар, насколько логично было бы мне, критиковавшему нео-либерализм, приветствовать войну и такого рода «возрождение»?

Американцы, насколько я знаю, у русского народа ничего

не крали. И либералы мало сумели стащить. Брали русские баре у русских крепостных. И всегда будут красть именно отечественные баре. И всегда баре будут слать мужиков на убой. И всегда образ внешнего врага – поможет обелить отечественного держиморду.

Я – за обездоленных, а не за оболваненных.

Знаете, Ришар, было время, когда я спорил с анти-сталинизмом, которым заменили подлинное изучение истории: все беды в России либерализм списывал на наследие Сталина. Говорили, что во всем Сталин виноват – не раскаялись сталинизм, не изжили пороки коммунизма, все беды от этого. А как раскаяться?

Я возражал: не Сталин раздал ресурсы страны феодалам, не Сталин не наделил властью бандитские кланы. И, будем справедливы к покойному тирану, который повинен в гибели миллионов, но сегодняшнее унижение народа – это не его вина.

Так я говорил, но теперь пришла пора пожалеть о моих словах, поскольку сегодня кажется, что либералы были правы: Сталин никуда не исчез – генералиссимус всегда с нами. Те, кто звал его приход, те, кто молчал, ненавидя либералов, те, кто мечтал об империи – они сегодня рады.

Это долгожданный день националистов и имперцев: о, с каким сладострастием они мстят за унижение своего кумира. Было время, имя Сталина стеснялись произнести, сегодня имя палача звучит гордо. Сегодня имперское сознание вы-

теснило либеральную идеологию – а кто же у нас, в России, главный символ имперского духа? Екатерина ли? И гудит, как лесной пожар общая страсть: мы сплотились, мы единый народ, мы снова готовы к войне!

За что война? С кем же война, помилуйте? Атлантическая цивилизация – вот наш враг! Мы стали жертвой чужой доктрины – сегодня страна встает с колен! А встать с колен в этой терминологии – означает подавить внутри страны инакомыслие.

Тирания создает иллюзию прямой демократии, обращаясь непосредственно к народу, поверх рыночных магнатов. Так возникает фашизм.

Посмотрите на судьбу свободолюбивого писателя Зиновьева, выступившего сначала против Советской власти, а затем против власти нео-либеральной доктрины рынка; сегодня Зиновьев умер, а его имя присвоено имперцами и черносотенцами, теми, кто вызвал бы ужас у него, будь он жив.

Но логика неумолима: рынок разъедает демократию, а в отсутствие демократии – плоды рынка присваивает тирания. Тирания создает иллюзию прямой демократии, обращаясь непосредственно к народу, поверх рыночных магнатов (они же столпы демократии). Так возникает фашизм.

Эту возможность критик либерализма мог предвидеть; предвидел ее и я – но, видимо, был неубедителен.

Я выступал против нео-либерализма в России, и продолжаю думать, что нео-либерализм принес России зло; но се-

годня преследуют тех, кого я критиковал – события повернулись так, что они стали жертвами зла еще более страшно-го. Я вижу, как нео-либеральная доктрина, уничтожив демократию, вылепила из корпоративного общества среду, максимально пригодную для фашистской доктрины.

Наше общество прошло тот же путь, тот же классический маршрут, который был описан Платоном в восьмой книге «Государства»: от слабой и вороватой демократии к беспринципной олигархии, а от олигархии к тирании. Этот путь был пройден в истории часто. Но никто не извлек уроков.

Мы провели двадцать пять лет так называемой «свободы», играя со словами «либерализм» и «права человека» – но современный либерализм очень мало занимался правами человека, куда больше правами собственника; демократия была придатком рынка. Разве кого-то удивляет, что релятивистское «contemporaryart» находится в оппозиции к идеалистическому «modernart»? А почему же нео-либерализму не быть в оппозиции к либерализму?

Поглядите на дикую войну в Донбассе – Россия желает оградить себя от чужого влияния, русским людям надо присвоить эту территорию в знак того, что «русский мир» противостоит Атлантике. Иной цели у войны нет.

Дикость ситуации в том, что в качестве причин смертоубийств называют десять причин, противоречащих одна другой. Одни говорят, что воюют за социализм против украинских олигархов. Но при этом эти люди получают зарплаты от

российских олигархов. Не бывает социализма, встроеного в капиталистическую империю, не бывает карманного социализма. Мало этого, не бывает социализма, который строят в чужой стране силами капиталистической империи. Но теория Маркса тут и не вспоминалась.

Культивируемое зверство, направленное против братьев, имеет одно оправдание – создание бастиона, противостоящего Америке.

Глава самопровозглашенного правительства объявил, что он разделяет белогвардейские идеалы и воюет за Русскую империю; другой лидер сражается за концепцию евразийства; еще один – за казачье правительство.

И, набирая бойцов для сражения, наемникам платят, и наемники вообще не знают, за что сражаются. Культивируемое зверство, направленное против братьев, имеет одно оправдание – создание бастиона, противостоящего Америке.

Города и граждан сделали заложниками животного зверства, иногда те, кто стреляет в людей, говорят, что воюют за то, чтобы говорить по-русски. Русский язык никто не запрещал, но, скажите, разве не лучше говорить на суахили, лишь бы жили дети? Такая логика уже отсутствует.

А в России люди голосуют за единство нации, вскидывая вверх правую руку – точь в точь таким же движением, каким вскидывали руку гитлеровцы. И объявлено правительством, что основа жизни страны – патриотизм. Не гуманность, не закон, не право. Патриотизм.

Россия отгородила себя от мира – а помните про «общеевропейский дом»? Некогда германский министр Ратенау сказал «Германию поместили в сумасшедший дом и страна сошла с ума» – я вспоминаю сегодня его слова.

Спросите себя, как спрашиваю себя я: только ли российская вина в том, что страна встала сегодня с ног на голову? Возможно, в этом вина и тех, кто разрушил анатомию организма в принципе?

Сегодня Россия осуществила то, о чем предупреждали: внезапный переход от гламурного либерализма к националистической империи. Мы в начале фашистского дискурса, но движение стремительно.

Мы стремительно переместились в мир казармы; люди разочаровались в том идеале, который пожелали принять вместо казармы. Но скажите, Ришар, разве не сходный процесс идет во всем христианском мире? Разве не случилось так, что общими либерально-рыночными усилиями мы возвели цивилизацию, которая обанкротилась – оказалось, что ничего реального не было. Либерализм прошел как насморк, растаял как дым – не оставив по себе никакой памяти, кроме обиды масс.

До того, как народ стали строить в шеренги и хоронить убитых солдат без имен на могилах, прошел процесс мутации собственно демократического строя.

Лекарства против новой беды нет. Вирус фашизма приспособился к демократии, на него не действует лекарство.

Прошло двадцать пять лет разговоров – и мы не припасли ни единого твердого слова, чтобы остановить войну, чтобы обуздать массовый психоз, чтобы сказать твердое «нет» национализму». Мы истратили все слова на игры.

Особенность современного фашизма состоит в том, что фашизм пришел в силу тотального разочарования в демократии.

Фашизм всегда приходит вопреки демократии, но сегодня фашизм пришел не только вопреки – но по вине демократии, от разочарования в демократии, в силу мутации самой демократии.

И это критично.

Демократия в ходе объективного исторического процесса ассоциировала себя с нео-либеральной рыночной идеологией, не-демократичной по сути. Союз демократии и либерального рынка стал губительным прежде всего для самих демократических общественных институтов.

Фашизация обществ в мире проходит тем успешнее, что демократическое лекарство против вируса фашизма – сегодня не помогает.

Сегодня не существует внятной оппозиции «демократия – фашизм», рынок спутал диагноз, усложнил процесс лечения.

Вирус фашизма приспособился к той демократии, которая имела место, вирус фашизма побеждает рыночную демократию легко.

Нам некого винить, кроме наших ленивых мозгов и наших

мелких идеалов.

Для того, чтобы успешно противостоять новому изданию фашизма – требуется антибиотик нового поколения; а такого лекарства – чистого антибиотика демократии – пока нет. Требуется демократическая идея, очищенная от рынка и спекуляций, но таковой сегодня не существует.

До того, как народ стали строить в шеренги и хоронить убитых солдат без имен на могилах, прошел процесс мутации собственно демократического строя.

Современный фашизм лишь на словах противостоит неолиберальной идее и рынку. На самом деле, приобретения либералов режимом присваиваются, и в собственность народа не перейдут никогда. Чекист-миллиардер – не находится в оппозиции к рынку, и ни на миллиметр не ближе к народу, нежели владелец корпорации. Не либерализм отвергает фашизм, но вышедшую из употребления демократию.

Сегодняшний строй является мафиократией; в этом социальном образовании действуют не законы, но понятия. Мафиократия преобразуется в фашизм легко; но при этом демократическая идея фашизму нового типа не оппозиционна – демократия съела себя сама. И даже хуже: рыночная демократия как бы имплантирована внутрь нового фашизма.

Чтобы победить фашизм нового типа нам прежде всего потребуется заново переосмыслить демократические идеалы и институты.

Нам некого винить, кроме наших ленивых мозгов и наших

мелких идеалов.

Все, что случилось с нами и с либерализмом, случилось потому, что мы не заслужили ничего лучшего; мы своими руками вылепили сегодняшнего Франкенштейна».

Мийе: Фальшивая реальность

Ришар Мийе, французский писатель и издатель, велико-лепный стилист, автор многочисленных романов, эссе и, конечно же, скандальной книги «Литературная похвала Андерсу Брейвику» прислал такой вот ответ, положивший начало этой переписке.

Уважаемый Максим. В целом я с вами согласен – в России появляется тенденция к тоталитаризму, появились ферменты тоталитаризма; я предпочитаю пользоваться именно этим словом, так как фашизм, на мой взгляд, находится внутри специфической исторической коннотации.

В Западной Европе, в Европейском союзе ситуация, между прочим, сходная, хотя очевидно и менее кровавая. Европейский тоталитаризм – мягкий, гибкий, лицемерный инструментарий, при помощи которого управляют сознанием масс.

Россия все еще империя, и консервировать ее в качестве империи возможно, на мой взгляд. Франция или Британия уже давно не империи, этот этап пройден; эти страны потеряли свое бывшее влияние в мире, растворились в этом гигантском холдинге – под названием Евросоюз.

Вы, русские, еще находитесь в Истории, а мы уже вне ее. Мы уже – ничто. Жить в империи, быть имперским худож-

ником, даже если эта судьба влечет за собой определенные трудности – особенно для писателя, для художника это возможно и непросто – это все же дает творцу уникальный шанс, на мой взгляд.

Разве включение Украины в Евросоюз – хорошая идея? Разве это то, чего реально хотят рядовые украинцы? Что вообще означает этот украинский кризис? Неужели Украина реально хочет быть государством – сателлитом Америки, как стала таковым Польша, Британия или, например, Нидерланды?

Европейцы живут в «добровольном рабстве».

Европейский фашизм (в моем словаре, по крайней мере) есть нечто над-культурное: культура – фасад либерализма; культура сегодня – это украшение храма либерализма, сооружения с двумя основными колоннами – Рынком и Законом.

Новая западная религия была создана из демократии, прав человека, анти-расизма, отрицания полового детерминизма, гомосексуальных богов...

Культура сегодня, говоря по правде, – это отрицание самих себя, отрицание вековой традиции, это страх быть собой, страх и стыд за былые экспансии.

Почему мы принуждены стесняться себя? Мы приучены каяться за былые ошибки (колониализм или режим Виши); нам приходится постоянно опровергать свою историю, это нечто обратное тому, в чем я был воспитан как христианин

и наследник универсальной культуры Духа.

Либерализм (о, я встречал либералов: англо-саксонских протестантов, одновременно и лицемерных, и наполненных чувством морального превосходства) не желает более представлять тысячелетнюю традицию культуры. Новый тоталитаризм – он в гигантских западных супермаркетах и в театре, лишенном античных пьес. Нам сказали, что надо ненавидеть шовинизм и что даже не надо быть нацией. Мы пропали, мы в отчаянии, мы – слабые люди Европы! Европейцы живут в «добровольном рабстве», пользуясь выражением Этьена Ла Боэсси.

Мы живем в фальшивой реальности, в фантомном мире. В некотором смысле, мы мертвы.

Кантор: Две Европы

Украина рушится, точнее сказать, страну уничтожает Россия – в наказание за высказанное намерение войти в Европу.

Ришар, если бы дать возможность Украине самой решить, где быть и жить: в Европе или вне Европы – то, на основании результатов, мы бы сделали вывод: был ли выбор ошибкой. Шанса Украине не дали – само намерение сочли криминальным.

Мало этого. Что значит – «присоединиться к Европе»? Европа сама знает, как она хочет развиваться: есть ли у Европы силы на то, чтобы стать федеральной (хотя бы для того, чтобы преодолеть экономический кризис). Европа гвельфов или Европа гибеллинов?

Вы мечтаете о возврате Европы вспять, говорите, что Европа мертва – а у меня чувство, что Европа еще не сделала самый важный шаг. Согласитесь, что со времен Боэсси прошло четыреста лет, и эти века не назовешь рабскими – то было время постепенного освобождения, постоянного нравственного усилия. Возможно, главный шаг Европы впереди. Европа всегда движется вперед ценой потерь: это сложный организм.

И без федеральной Европы дел довольно: выработать единые правила – ну, скажем, единой системы налогообложения. Пока этого нет, расширение Европейского союза – во-

прос, скорее, условных предпочтений. Трудно определить сегодня, в чем заключается «европейская идея», и существует ли такая. Думаю, говорить о падении Европы – некорректно; идею Европы заслонило нечто иное.

Если считать «идею Европы» рациональное христианство, веру поверенную разумом, – если идти вслед за Августином, Фомой, Кантом – то эта идея была искажена этатизмом, и вовсе извращена во время тираний XX века – уже Шпенглер в 1918 году писал о закате цивилизации, суть которой ускользала от его формулировок: как вы помните, он даже не смог включить в анализ европейской цивилизации феномен христианства.

Как выглядит сегодня европейская свобода, за которую боролись три века подряд? Верим ли в знаменитое «свобода-равенство-братство»? Воплощает ли понятие современной демократии то, ради чего шли на баррикады в 1848 – или раньше, на штурм Бастилии? Болезненный вопрос: как изменилась идея демократии в эпоху финансового капитализма?

Украина решила уйти к другому жениху – ревнивая Россия не отпустила.

До того, как упрекнуть Украину в метаниях, отметим, что сама Европа – противоречивое создание, многое обещающая – но не всегда способная обещание выполнить. И, тем не менее, я настаиваю на том, что Европа жива – а что до времени, то мы с вами знаем, как долго строят соборы. Возможно,

строительство очередного собора только начато – а строят соборы по восемьсот лет. Возможно, перманентное нездоровье Европы – это особый тип ее здоровья? Добавлю к этому, что агрессия националистической России способна оказать огромную услугу самосознанию Европы.

Интересно иное: в какую именно из Европ хотела войти Украина? В культурную Европу или потребительскую? Вопросы запоздали: Украина рушится, точнее сказать, страну уничтожает Россия – в наказание за высказанное намерение войти в Европу. И знаете: не существует лучшего доказательства того, что Европа жива: будь Европа мертва – Украине разрешили бы к ней присоединиться.

О, нет, эта война свидетельствует о том, что жизнь вернулась к сонной Европе супермаркетов; Украина решила уйти к другому жениху – ревнивая Россия не отпустила.

Украина – эпицентр пожара, символ европейской беды – только Европе надо это осознать. В лице Украины – Россия бьет по Европе; и надо Европе это понять и обороняться. Опасно везде, но в европейском мире – пожар Украины высветил многие противоречия.

Было бы здорово начать наш разговор с детерминирования европейской культуры – (или правильнее сказать» культуры христианской цивилизации»?).

Нам придется согласиться, что так называемая европейская цивилизация существует сегодня помимо христианской веры и даже с языческими ценностями. Этот существенный

для культуры поворот: доминант языческих ценностей над христианскими – был произведен в прошлом веке, тирании XX века постулировали его; сегодняшняя Россия во многом повторила общий путь.

Язычество самой России – вопиющее; национализация и даже паганизация Православия (как иначе квалифицировать агрессивную национальную политику церкви?) тому свидетельство. Православие всегда тяготело к тому, чтобы стать сугубо национальной религией, сегодня это реализовано.

Россия умудрилась не заметить западных ценностей, не связывая «цивилизацию» с реальной европейской культурой.

Драматизм сегодняшнего момента в том, что очередной поворот России на Запад – совпал по времени именно с паганизацией Европы. Какая горькая ирония истории! Очередной поворот к западной культуре обернулся на этот раз не знакомством с Шеллингом и не лекциями марксизма – но уроками релятивизма и гламурной моды. Если бы все не так трагически сложилось, то можно было бы смеяться: релятивизму мы обучались всерьез. Не гегельянству (его забыли и учились ему недолго), не марксизму (его вообще вывернули наизнанку), а именно релятивистской философии пост-модерна, именно языческим поделкам «второго авангарда».

Среди русских интеллектуалов бытовало соображение, что в мире существует единственная цивилизация – западная. И воспроизводили нелепые жесты западных новаторов

нового типа – один молодой человек испражнялся перед картиной Ван Гога, другой рисовал кружочки и черточки – и они верили, что идут дорогой свободы. Мы, русские, отстали от прогресса из-за большевиков и татар, так не упустим теперь свой шанс – говорили именно так. Надобно копировать цивилизацию, чтобы преодолеть дикарство, – вот так говорили. И обеими руками зачерпнули новое западное язычество.

Есть ли язычество в сегодняшней Европе? Оно, разумеется, доминирует сегодня. Но разве это окончательное свидетельство о Европе? Факт тот, что европейское христианство и высокая гуманистическая культура никуда из Европы не исчезли – лишь поверхность, лишь мода цивилизации паганизировалась; но до подлинной Европы российский наблюдатель добраться не мог.

Случилось так, что Россия умудрилась не заметить западных ценностей, не связывая «цивилизацию» с реальной европейской культурой. Брала лишь то, что блестит – заимствовали банковские махинации, буржуазный гляцевый авангард, стиль жизни супер богачей. Никто не хотел копировать Европу гуманистов, подражать Альберту Швейцеру, больше узнать о Канте или Платоне.

Мы знать не хотели о бедняках Европы – нам хотелось снять сливки сладкой европейской жизни на Лазурном берегу и гала-концертах. На Западе мы учились только дряни, только вопиющему разврату. И, как результат, – те, кто копировал европейскую дрянь, испортились; а российское на-

селение, глядя на своих развращенных богачей, решило, что только скверному и может научить Запад.

Обида на «ложные западные ценности» зрела медленно, но созрела. И постепенно население России укрепилось в мысли: Запад обманул Россию. Не банкиры, не гебешники, не Ельцин и не олигархи, которых вылепили из социальной грязи русские политические пройдохи, но Западная культура виновата!

Русские восхищаются богатыми виллами Сардинии, но немногие знают, что коммунист Антонио Грамши родом с Сардинии и там боролся за сардинских бедняков.

Попробуйте объяснить русской старухе, что ресурсы страны забрали прохвосты – но их получил не Декарт; попробуйте объяснить больному пенсионеру, что его пенсия украдена не из-за идей Спинозы. Русские бедняки не поверят вам. Запад виноват во всем сразу: в замках на Рублевке, в виллах на Средиземноморье, в банковских облигациях, в абстрактном искусстве, в Дерриде и в «откатах», – все перемешалось.

Разрешите добавить, что смешав все эти явления воедино, русский обыватель не так уж и далек от реальности. Это не он первый все перемешал, до него все смешал европейский релятивизм последних лет.

Да, месье, постмодернизм приготовил такой компот из так называемых «западных ценностей» что на поверхности оказалась яркая блестящая дрянь. Но кто же мешал ученику доискаться до настоящего?

Да, Россия плохо выучила урок. Но это не вся правда. России дали урок, который трудно было выучить хорошо. Европа сегодня не в лучшей интеллектуальной форме. И если Европа не равна Дамиену Херсту, банку HSBC корпорации ELF, а помимо них имеется Пикассо, Брехт и Камю – то прежде всего это должна произнести сама Европа; но она молчит.

Русские восхищаются богатыми виллами Сардинии, но немногие знают, что коммунист Антонио Грамши родом с Сардинии и там боролся за сардинских бедняков; но помнят ли это сами европейцы? Поймите меня правильно: я не говорю о так называемых «левых идеях», но лишь о реальной истории – об отличии истории от ее глянцевого муляжа.

В том-то и дело, что сегодняшние русские разочаровались в Европе и европейских ценностях, не имея даже отдаленного представления о том, что такое Европа. Но равна ли Европа себе самой? Разве не случилась с самой Европой та странность, что Европа испугалась своего собственного директивного думанизма: категориальной философии?

Этот вопрос мы должны поставить до того, как спросить, ошиблась ли Украина в своем выборе. Возможно, Украина и ошиблась; но в таком случае – ошиблись мы все и давно. Так дайте же Украине право на ошибку! Разве не сама Россия очертя голову кинулась на поиски гламурных ценностей четверть века назад? Разве не сама Европа ошибается каждый день, поклоняясь золотому тельцу рынка?

Я уверен в том, что основания для разлуки Украины с Россией имелись. И сегодня Россия лишь доказала, что то были серьезные основания – брак был несчастлив. Отпустите Украину – позвольте же ей уйти! Но не дали.

Поднялась мутная патриотическая волна, которая затопила одну шестую суши.

Ритуальное убийство Россией Украины – это просто убийство Европы в себе самой; это такой способ возрождения самостоятельности. Поэтому, когда русский патриот говорит, что он «встал с колен» (а при этом патриот не совершил ничего, кроме как аплодировал подавлению соседней страны) – патриот не ошибается. Он действительно встал с колен. Это такой способ вставания с колен у России – следует изгнать беса вестернизации из своего длинного тела. Давнее соперничество с Литвой – в историческом наследии Российской империи вылилось в ритуальные подавления Польши, Украины, Чехословакии, Прибалтики. Усмиряя вольнодумцев, Россия убивает Запад в себе.

Здесь любопытно следующее. Казалось бы, четверть века унижений должны преподать народу России простую истину – это неприятно, когда чужие народы распоряжаются твоей судьбой, это оскорбительно, когда тебя колонизируют; очень гадко быть человеком второго сорта. То, что Россия четверть века была на побегушках у Запада, должно бы воспитать в людях солидарность ко всякому униженному. И любопытно спросить: почему же обретение достоинства – непременно

связано у русских с унижением соседних стран?

Однако в этом именно и состоит имперское достоинство – в унижении колоний, в том, чтобы поставить ногу на шею соседа. И по-другому достоинство мы обретаем не умеем. И когда русские танки входили в Чехословакию, когда русские танки входили в Афганистан и сегодня, когда русские танки входят в Украину – мы произносим с гордостью «наша страна встала с колен». Терпеть унижение своей страны – сил не было; а терпеть унижение соседа – на это силы есть, и немалые. Как это вмещает сознание патриота? Ведь не Украина же поставила Россию на колени? Почему же сжигая украинские поля и воспитывая ненависть к «укропам» – встают с колен?

А просто все это умещается в сознании. Западу мы отомстить пока не можем, пока еще Запада боимся. Но сильно наказываем тех, кто поверил в Запад; мы искореняем «западнизм» (выражение Зиновьева) в себе. И украинец очень виноват перед нами – тем, что поверил в чужое, поверил, что цивилизация – одна. А как же наша, православная цивилизация? Помилуйте, ответит нам украинец, ведь это вы сами первые в своей истории разочаровались. Мы страдаем от своих ошибок, скажет ему русский патриот, и вот мы сейчас их исправим, встанем с колен – и тебя первого на колени поставим. Ты виноват в том, что хочешь быть европейцем. Украинец действительно виноват перед империей. Вот за это его и убивают. Вот таким образом только империя и может

встать с колен.

Основания для разлуки Украины с Россией имелись. Брак был несчастливym. Отпустите Украину – позвольте же ей уйти!

Мы сегодня боимся слова «фашизм»; нам кажется, что это сугубо историческое явление 30-х годов прошлого века; понятнее туманный термин «тоталитаризм», который, думаю, и внедрен столь широко ради туманных политических спекуляций.

Но к дефинициям «фашизм» и «тоталитаризм» я обращусь в следующем письме. Сегодняшнее письмо посвящено трансформации западного либерализма в России – я настаиваю на том, что русский идеологический проект был не либерализмом, и даже не вполне западным. Если бы не моя неприязнь к конспирологическим словечкам, я бы сказал, что псевдолиберализм «перестройки» – это проект гб: О, как усердно насаждали бывшие комсомольцы и партийцы эту гламурную моду!

Как резво бежали секретари райкомов покупать яхты и произведения авангарда! Именно этот воровской либерализм и подготовил сегодняшний имперский фашизм.

Нет, нет, не спешите обвинять Европу – мы не копировали ваш подлинный либерализм. Мы не открывали книг Монте-скье! Заимствовали не Ренессанс и не гуманизм, не Просвещение и не антиколониализм – и даже не подлинную демократию, ее мы тоже боялись!

Принцип Демократии построен на ограничениях – всякий контракт (общественный договор) основан на взаимной ответственности и границах обязанностей. Но идея глобального рынка не знает ограничений и границ. Когда две доктрины пришли во взаимодействие – их противоречие оказалось неразрешимым: в результате Рынок победил, и Демократия – пала.

Вот вам простой пример: русские люди голосуют сегодня за сильного царя – с упоением произносят слово «царь» и отождествляют свою жизнь с волей государства, однако никто не отрицает выгод рынка. Более того, российская экономика существует лишь благодаря спекуляциям, а отнюдь не благодаря труду – Россия живет продажей ресурсов, живет спекуляциями; речи нет о том, чтобы перейти на самообеспечение ремесленным трудом – нет, только финансовый рынок. А вот демократия не прижилась.

Мы помним, что авторитарные режимы прошлого века приходили именно на плечах либеральной доктрины. Прямота диктаторов выгодно отличалась от цинизма либеральных болтунов. Шовинизм – естественный ответ на нищету народа: диктатор зовет нацию проснуться, но приобретения либерального рынка не отвергаются, нет! Рыночные приобретения богачи не возвратят народу, но богачи как бы едины с народом в ином – едины в национальном порыве.

Россия мстит Западу за двадцать пять лет иллюзий; так второгодник мстит учителю за то, что не понял учебник.

Поворот от вороватой демократии к единой симфонии труда, объединяющей угнетенных и угнетателей, напомнил мне мысль Хайдеггера; говоря с рабочими завода Круппа, он внушал работягам – что их труд и труд Геринга (управлявшего конгломератом заводов) – суть составляющие единой мистерии. Все представители народа, говорил философ – национал-социалист, есть соучастники великой мистерии труда; просто одни люди завинчивают гайки, а другие руководят; но вместе все – великий народ.

Таким только образом мы и должны трактовать современный российский патриотический поворот – рыночные спекуляции никто не отверг, но добились того, что нация сплотилась вокруг лидера.

Русские некоторое время учились у Запада – теперь ненавидим наших учителей, но чему же мы учились? Волны преклонения и ненависти к западным учителям заполняют русскую историю – сегодня важно произнести: Россия никогда не была способна разглядеть реальный Запад, всегда училась только дряни. Россия, как всякий второгодник, всегда учила лишь тот урок, который давался ей легко. Россия заимствовала постоянно – но всегда заимствовала не гуманистические постулаты, но манипулятивные конструкции.

Сегодняшняя атака России (в рекламе событий говорится так: «Россия встала с колен») – имеет целью не Украину; Россия мстит Западу за двадцать пять лет иллюзий; так второгодник мстит учителю за то, что не понял учебник.

Здесь критично важен вот какой момент, и прошу вас обратить внимание на следующую фразу: учитель отнюдь не всегда получает от ученика то, чему он ученика научил. Россия училась разумному абсолютизму у Гегеля, но российское крепостное право не схоже с гегелевским историческим детерминизмом.

Россия училась республиканскому и социалистическому духу у Маркса, однако российское издание коммунизма перечеркнуло все гуманистические основания «Капитала». Противоречия русского социализма – они не имеют ничего общего с марксовыми противоречиями.

Так случилось и сегодня: Россия брала уроки демократии – у философии постмодернизма, у релятивистской философии. Учителя были не лучшего качества, и сегодняшнее восстание России против демократических иллюзий – проходит в полном соответствии с заветами релятивизма: нет ничего окончательного. Однако Россия добавила в релятивизм современного западного дискурса столько собственного произвола, что Европа ахнула. Релятивизм – это же не произвол! Релятивизмом Европа вооружилась, чтобы уберечься от тираний!

Однако на почве России из релятивизма родился именно тиранический произвол. Отдали Крым – забрали Крым, отпустили республику прочь от метрополии – потом взяли республику обратно. Сначала отказались от идеи Lebensraum(жизненного пространства), земли раздали бы-

лым колониям (союзным республикам); верили в демократию, верили в то, что все равны. Но оказалось, что равенства нет, рынок уничтожил равенство и братство; ну так что же? Философия релятивизма подготовила нас к тому, что нет окончательных императивов: да, вчера хотели демократии, а сегодня опять хотим быть империей.

Знаете ли вы, месье, кто резвее прочих поддерживает оккупацию Украины? Российские нувориши, гламурные журналы, ворюги, бежавшие в Лондон. Именно они громче российского правительства кричат о том, что Украина стала предателем «русского мира». И народ, ограбленный этими вот ворюгами народ, мстит вовсе не отечественному ворью и гебью – но мстит соседней стране, мстит Западу. И в этом вовсе нет противоречия.

Жизнь населения не стала лучше оттого, что от несостоявшейся республики Россия повернулась к империи, но старый добрый рецепт «пушки вместо масла» верен и поныне – люди почувствовали, что их освободили от необходимости притворяться. Мы хотим того же, чего и прежде – свободы, просто сегодня мы понимаем свободу иначе; хотим твердой руки и больших территорий. Желаем свободы и насилия одновременно. Желаем произвола как высшей стадии освобождения. И это сочетается совершенно естественно.

Мийе: Рынок vs христианство

Максим, разрешите мне в свою очередь показать, как и что происходит в Европе сегодня. Великий гигантский рынок – великий и в то же время ужасный, основанный на соглашениях Америки и Европы, рынок, в котором культура, идеи, писатели, люди, свобода значат гораздо меньше, нежели свободное движение товаров, перемещение денег или рабочей силы.

Рынок? Нет – это, скорее, место, проклятое Богом, обреченное на смерть. Это место, обреченное на гражданскую войну, и особенно в центральных странах, таких как Франция и Великобритания. Война идет между европейцами и мусульманами, между иммигрантами и коренными христианами, причем сторонами манипулирует глобальный капитализм, который более не нуждается в нациях и культурах вообще, – я имею в виду, не нуждается в той культуре, которую мы называем христианской.

Ислам против христианства? Нет, так сказать было бы неверно. И исламизм, и христианство лишь статисты в этой борьбе, их столкновение – тень подлинной войны, ведущейся за наиболее эффективный метод управления рынками, за внедрение капитализма в страны, задыхающиеся от избытка безработных; я имею в виду прежде всего страны Южной Европы, католические страны.

Дикая иммиграция, огромное количество безработных, циничное разрушение всего, что является нашим христианским наследием, и забвение самих себя, забвение всех инстинктов, помимо основного: потребности стать маленьким буржуа. Скажите, можно так существовать?

Терроризм – это и есть ответ на возможность такого существования; и это вот и есть новая цивилизация.

Эта цивилизация противоречит всему тому, чему меня обучали честные христиане, – а я вырос христианином. Тот традиционный путь, который прошел в своем образовании я, считается сегодня ошибкой, а я считаюсь реакционером, или, если угодно, фашистом, – этот термин во Франции используют, чтобы определить тех, кто не согласен с глобальным проектом блистательной новой эры, проектом «нового бравого мира».

Французское культурное лобби, пресса, обладающая силой манипулировать, управляются лжецами (мы их иногда называем «левая икра» или «добрые души»), и у них у всех имеются родственники на Востоке и даже в странах исламского фундаментализма.

Это гибкие люди. Возможно, Франция и является той страной, в которой сила культуры является реальной силой, согласно видению Грамши. И вот как эта сила действует.

«Культура» – это имя сегодня присвоено коррумпированной демократией, тем институтом, который Деррида называл спектаклем, а Бодрийар – симулякром.

Я бы употребил более резкое слово: мы живем в порнографической цивилизации, сексуальный аспект экстраполируется. Отклонения от нормы становятся нормой, эксгибиционизм в культуре делается привлекательным, и не только в культуре. Я говорю не о кино – в политике, образовании, развлечениях, в культе тела, заслоняющем духовное развитие, в потере традиции и привязанности к одному мигу, в этике – словом, порнография везде.

Современная цивилизация, как сказал Бернанос, это заговор против духовной жизни.

Когда я гляжу на французское население, то чувствую себя иностранцем в моей собственной стране. Более того, я совершенно одинок, выброшен с культурной территории – устранен именно за то, что осмелился критиковать культурное лобби, властную культурную коррупцию; я осмелился указать на то, что глобальный капитализм убивает национальную культуру (вот вам пример: последний Нобелевский лауреат, ле Клезю, – это самый политически корректный и наиболее пустой писатель, какого можно только представить).

Прошу прощения, что приходится говорить обо мне самом, но утверждаю, что я – одна из жертв тоталитаризма нового типа, или фашизма, если вам нравится больше это слово, – но учтите, что это именно меня обвиняют в том, что я фашист: я был подвергнут остракизму и сто двадцать писателей подписали письмо, в котором говорится, что я фашист.

Да, теперь я думаю, что должен найти в себе силы и встать. Встать и сказать обо всем, что вижу очень ясно, о том, что является реальным порабощением, – сказать, даже если ясность моего суждения будет квалифицирована как фашизм.

Весьма очевидный симптом деградации общества – это разрушение языка, столь заметное сегодня во французской речи. Разрушение языка, создание новояза – это и есть матрица фашизма. Об этом писал еще Оруэлл.

Молодая польская еврейка сказала мне недавно, что невозможно понять Россию, если не учитывать азиатский деспотический дух и исконную готовность русских быть рабами. И если она права, то значит русские и европейцы действительно похожи, но, слушая ее, я вспоминал и грезил о русской культуре: Гоголь, Достоевский, Соловьев, Чехов, Мандельштам, Солженицын, Цветаева, Мусоргский, Скрябин, Тарковский, Губайдулина, Денисов, Шнитке и так далее.

Демократия теряется, растворяется в трюках, приготовленных для толпы. Мы живем с тенями фактов, в иллюзиях, отнюдь не в реальности. Отчаяние – вот нужное слово.

Как верующий католик я обязан сказать, что отчаяние – это уступка дьяволу. Я католический писатель, следовательно, у меня нет права на отчаяние. Западная Европа сегодня ненавидит католицизм – но я принимаю бой.

Кантор: Определение фашизма

Ришар, политика последних лет заключается в одном: в желании отсрочить приход фашизма. Социалистический проект отменили, демократический провалился, никаких препятствий для наступления фашизма не осталось. Фашизм пытались локализовать – объявляли его наступление то в Ираке, то в Ливии, то в Украине.

Дело не в том, какой из держав что именно на руку – все так или иначе делали вид, что существует точка, где появился фашизм и где с ним надо бороться.

Но фашизм наступил везде – прежде всего потому, что его не замечали: этим словом называли все что угодно, только не сам фашизм.

Сегодняшний либеральный гражданин охотится на призрак тоталитаризма (это крайне растяжимое понятие), но четко определенного зла он знать не желает. Книга Дебора «Общество спектакля» мне не показалась убедительной потому, что добавила новое определение к ситуации, и без того отягощенной избыточными словами. Никакого спектакля нет – есть реальность.

Мы так боимся сказать финальное страшное слово, что гораздо охотнее говорим, будто фашизм уже вовсе не существует, что он принадлежит к ушедшей эпохе. Или внедряем много дефиниций: «итальянский фашизм», «германский

нацизм», «франкизм» – и вот определение уже поплыло.

Но согласитесь с простейшей мыслью: тот факт, что в тридцатые годы прошлого века было представлено полтора десятка инвариантов фашизма, говорит лишь об одном: у явления «фашизм» есть общий знаменатель, есть нечто такое, что воспроизводится постоянно, а вот в числитель может быть вынесена культурная особенность пораженной недугом страны. Это может быть венгерская гордость, русское мессианство, германское братство – то есть особенности стран, но не это главное.

Да, есть итальянский и германский фашизм, они в чем-то несхожи. Ну и что с того? Есть масса явлений, представленных в разных странах, – с отличным культурным числителем, но с общим знаменателем. Есть общий радикал, и на основании этого общего и надо определять фашизм; а то, что фашизм Салазара не похож на фашизм Квислинга, – это относится к культурным особенностям.

Есть и другая опасность: использовать слово «фашизм» для обозначения любой диктатуры. Например, сегодня либеральный диктат рынка называют новым фашизмом. Это настойчиво повторяют, и многие поверили. Между тем неолиберальная диктатура (таковая есть, безусловно) – это никак не фашизм. И теория золотого миллиарда, паразитирующего на прочих людях планеты, тоже не фашизм. И колониализм – это угнетение, но не фашизм. И египетский фараон и его власть тоже не фашизм.

Подмена понятий приведет к тому, что явление, ошибочно именованное фашизмом, впоследствии признается едва ли не положительным – поскольку фашизма в нем нет.

Так, называли Ирак фашистской страной, а Саддама сравнивали с Гитлером. Саддама обвинили в хранении оружия массового поражения – и, осуждая впоследствии западные страны за подлог, практически оправдали Саддама. Между тем Саддам действительно был тираном, и, возможно, восточная сатрапия Саддама ничем не лучше фашизма и должна быть устранена. Просто это не фашизм.

Приведу другой пример. Сегодня русские газеты используют термин «украинский нацизм», оправдывая агрессию в Украину, – ведь агрессия как бы защищает от страшного зла. Никакого нацизма в Украине нет и не было. На выборах в Украине процент сторонников «Правого сектора» (националистов) оказался мизерным. В правительстве Украины много евреев, а ограничения на русский язык совсем не означают геноцид. В Латвии, например, русский язык тоже не считается государственным, а граждане, не сдавшие экзамен на знание латышского, не получают гражданство, при том что в Риге половина населения – русские.

Когда российские пропагандисты запустили словосочетание «геноцид русского народа», они великолепно знали, что совершают подлог: такими словами всеу пользоваться нельзя; но важен был результат: русские люди пришли в неистовство. В дальнейшем стали рисовать на карте Украины сва-

стику, показывая, что украинский народ принял фашистскую доктрину. В реальности фашистской программы нет и не было, как не было запрещения русского языка, а отмена русского как государственного произошла не вчера, а 23 года назад. Однако эти пропагандистские приемы дали свои страшные плоды.

Русским людям дали возможность заново пережить великие моменты освободительной Отечественной войны. Пафос задрали столь высоко, что подавление империей мятежа окраины (именно так рассматривают вразумление Украины вне международных законов) представили как продолжение битв Второй мировой, а граждан мятежной страны изобразили наследниками Третьего рейха.

Народу России дали пережить пафос борьбы за правое дело; люди поверили, что защищают родину, нападая на родину чужую. Так бывало в случае войны с Финляндией, например. Удивительно при этом то, что солдат, защищающих собственную территорию от вторжения, называют карателями, тогда как именно имперские войска и осуществляют карательные функции по отношению к мятежной колонии.

Есть ли украинский национализм? Безусловно; и это не вызывает симпатии. Национализм есть черта сознания освобожденной колонии, как это ни печально.

Но примите в расчет, что Российская империя всегда была беременна национализмом. Русская литература изобилует описанием вековой вражды между русскими и порабо-

ценными Россией народами – это бремя лежит на титульной нации всегда.

Советская «дружба народов» убедительна лишь благодаря социализму. Вне социализма в империи дружбы народов нет и не было. Вспомните патологическую нелюбовь Булгакова к украинскому языку или ненависть Достоевского к полякам. Неприязнь народа, присоединенного к титульной нации, не новость: поглядите на шотландцев и ирландцев и их отношение к англичанам.

Однако далеко не всякий национализм способен перерасти в фашизм. Армяне не любят азербайджанцев и турок, однако армянского фашизма не существует; критичным является то обстоятельство, что армяне не в состоянии погубить азербайджанцев и турок: последних в разы больше, чем армян.

Малая нация может презирать большой народ: армяне – турок, ирландцы – англичан, украинцы – русских; это происходит в силу ясных исторических причин. Но представить, что армяне устроят турецкий геноцид, нереально; так же нереально предполагать, что в отношении ядерной страны России, обладающей новейшим вооружением, малая страна Украина может вынашивать планы геноцида.

Сегодня фашизм пришел в мир снова. То, что это слово возникло в политическом словаре, закономерно. На смену демократии приходит фашизм.

Мы обязаны дать определение данному явлению. Прежде

всего условимся: фашизм может проявляться лишь в среде, обладающей способностью воплотить расовую доктрину. Тамбовская криминальная группировка, враждующая по расовому признаку с чеченской криминальной группировкой, не является образцом фашизма: тамбовцы не в силах устроить чеченский геноцид. Напротив, страна, накопившая достаточно ресурсов для атаки на мир, может стать фашистской.

Надо заметить, что и российская ненависть к Украине не направлена буквально против украинцев; русские всегда высмеивали украинцев, но не ненавидели – в лице Украины ненавидят Запад. Фашизм – это всегда реваншизм, месть за поражение; фашизм приходит тогда, когда побежденный накопил сил. Оскорбления в адрес Европы (Европу именуют «Гейропа») и Америки (которую давно прозвали «Пиндостан»), прозвища «толерасты» и «либерасты» (которые намекают на противоестественность толерантности и либеральности) – все это есть не что иное, как образцы характерного сознания.

В Украине произошло национальное восстание против соверена (которое всегда агрессивно и в украинском варианте связано с традициями «гуляй-поля»), но Россия увидела в этом движение «атлантизма» к границам Евразии. Всякая империя уходит трудно. Британская империя долго не могла проститься с Индией и Ирландией – было пролито много крови, прежде чем пришло понимание того, что колонии

не удержишь. Только исключительная мудрость де Голля помогла расстаться с Алжиром, остановить войну.

Но всякая империя испытывает фантомные боли по отрезанной руке и связывает неудачи внутреннего строительства с потерей сфер влияния. Отсюда и появилось слово «фашизм»: в постимперском сознании былая угроза западного вторжения связалась с сегодняшним переходом соседней страны в лагерь Запада.

Представить, что сравнительно маленькая (по отношению к огромной России) Украина готовит геноцид гигантского пространства, немыслимо. Однако боль утраченной империи заставила в это поверить.

В последние годы в политическом лексиконе решающим словом стало слово «геополитика» – властная дисциплина, которая подменила идеологию: постулировано, что есть сила вещей, которая заставляет поступать определенным образом. В украинской трагедии понятие «геополитика» является ключевым, это мост, связывающий конфликт с фашизмом. Однако связь иного порядка, не та, что преподнесена телезрителям.

Объяснять феномен фашизма требуется заново. Сведения о фашизме устарели, вирус мутировал, приспособился к новой природной среде. Фашизм – это не явление 30-х годов прошлого века.

Сегодня ясно: фашизм – это перманентная болезнь цивилизации, возвращающаяся снова и снова. Сегодняшний фа-

цизм, возникающий повсеместно, и похож, и не похож на фашизм XX века. Надо внимательно рассмотреть знаменатель, радикал этого явления.

Прежде всего, надо отказаться от невнятного слова «тоталитаризм».

Термин «тоталитаризм» специально внедрили, чтобы спрямить историю; «тоталитаризм» – это понятие времен холодной войны, когда потребовалось разделить достижения победителей («открытые общества») и практику авторитаризма. Создав концепцию общего зла «тоталитаризма», приравнивали режимы и преступления Сталина и Гитлера. Оба обличены как тоталитарные диктаторы; таким образом, и культурная типология, и само понятие «фашизм» оказались размытыми.

Между Гитлером и Сталиным общего мало. Оба злодеи, оба убийцы, однако один националист, а другой – интернационалист; один за неравенство господ и рабов, другой – за равенство рабов. На каком основании их можно объединить?

В аду много кругов, и нисхождение в ад – дело долгое. Можно погружаться глубже и глубже в самую глубину ада, и зло имеет много лиц. Иерархия Зла (как и иерархия Добра) – это важнейшая вещь в структуре сознания, не следует ее устранять. Но холодная война требовала только черную и белую краску – и нарисовали условный, обобщенный портрет эпохи.

Думаю, это была стратегическая ошибка (разумеется, ес-

ли мораль и гуманистические соображения можно отнести к вопросам стратегии). Иногда я саркастически думаю, что Ханна Арендт совершила ошибку умышленно, это такая классическая «хайдеггерианская» подмена, обобщение, меняющее смысл явления.

Возможно, она подсознательно (подчеркну: подсознательно) имела в виду защиту Хайдеггера от обвинений в нацизме; следовало показать, что все зло однородно, чистых нет вообще, все повязаны одним грехом. Все противоречивые явления вместили в общую картину тоталитаризма, и отдельные явления расплылись, как акварель, залитая водой.

Полагаю, что такой вещи, как тоталитаризм, в природе обществ вообще не существует, но есть много различных дефиниций угнетения и много (гораздо больше, нежели девять) кругов Ада. Сталин – представитель одного круга, Гитлер – обитатель другого, и эти два тирана имеют столько же общего, сколько Тамерлан и Македонский. Насилие – да, убийство – да, рык совращенной толпы – да, тирания – разумеется, да! Но Сталин не убивал, руководствуясь принципом расы, а Гитлер – именно по причине крови и расы.

Говорят, что это все равно: доктрина коммунизма столь же чудовищна, как и фашизм; мол, истребление по классовому признаку равно истреблению по расовому признаку. Не могу принять такую точку зрения – и с исторической точки зрения тоже некорректно сравнивать эти доктрины. Капиталист перестанет быть капиталистом, утратив капитал и

власть; но еврей не может перестать быть евреем.

Когда историк Эрнст Нольте (я часто беседовал с ним в Берлине) ввел термин «европейская гражданская война», он изобразил ссору коммунизма и фашизма как склоку в европейской семье. Нольте настаивает на том, что геноцид по расовым признакам лишь паритетный ответ на классовый подход. Это стало великой послевоенной провокацией.

Знак равенства между коммунизмом и фашизмом поселил хаос в мозгах совершенно в духе релятивистской эпохи постмодерна. Этот хаос подготовил торжество фашизма над демократией, которое мы наблюдаем сегодня.

Любопытно, что и Эрнст Нольте, и Ханна Арендт – ученики Хайдеггера. И впрямь, все это в комбинации представляет великолепную защиту, совершенную индульгенцию для учителя. Противостоять тоталитаризму невозможно по той простой причине, что он неопределим; для противостояния тоталитаризму была изобретена такая же безразмерная, неопределимая демократия – не укорененная в определенную культуру и полис, а лишь волшебная мантра.

Примитивному блоку тоталитаризма противопоставили не менее примитивную модель открытого общества – и это привело к теоретической сумятице. Сегодняшний взрыв фашизма в Европе – это не что иное, как реакция на упрощенную модель.

Сегодня люди шагнули к радикальному решению своих бед, но вспомним: их в этом направлении подтолкнули. «То-

талитарный строй» обозначал любое социальное образование, этим словом охотно обозначали восставших бедняков из нищих стран. Испуганный рынок твердил: «Всякая революция ведет к созданию тоталитарного строя – поглядите на Сталина, Кастро, Мао, Пол Пота», – и это ничего не объясняло.

Примитивная оппозиция «условный тоталитаризм» – «условная демократия» ослабила прежде всего саму демократию. Боялись конкретных исследований конкретных обществ; как это и свойственно эпохе постмодерна, убеждения были основаны на отсутствии категориального рассуждения.

Поглядите же, что сегодня из этой абстракции получилось.

Данная абстракция породила последующую абстракцию: новым глобальным обобщением стала теория противостояния «Евразийской цивилизации» и «Атлантической». Оппозиция «Евразия – Атлантика» представлена миру совсем недавно (впрочем, Оруэлл предсказывал это упрощение еще в 1948 году), примитивная оппозиция континентов заменила прежнюю оппозицию «тоталитаризм – демократия».

Стали говорить о столкновении цивилизаций, о глобальном планетарном конфликте и туманными заклинаниями объясняли реальность.

Сегодня миллионы оболваненных готовы умереть за Евразию в борьбе с абстрактной Атлантической цивилизацией, но помилуйте, разве вчера миллионы граждан не бо-

ролись с абстрактным тоталитаризмом за абстрактную демократию? Чем же одна абстракция хуже другой?

Критично здесь то, что фашизм – это отнюдь не абстракция. Это наиболее конкретное зло из имеющихся. Всякое убийство сугубо конкретно. История всякого фашизма – конкретна.

Франкизм не похож на фашизм Муссолини, германский нацизм имеет свои специфические характеристики. Когда фашизм пробуждается в России или Венгрии, он ищет опору на культуру и историю данного организма; это всегда индивидуально прожитый рак.

Тоталитаризм был отличный ключом к идеологии холодной войны, но ключ не открывает ни одну из дверей современной истории.

У фашизма (во всех вариантах) проявляются родовые черты. Их следует обозначить. Сначала я приведу перечень особенностей фашизма, тех свойств, которые находятся в радикале любого фашистского уравнения, без которых фашизм невозможен. Затем разберу каждое из этих свойств применительно к сегодняшнему дню.

1. Национализм, идентичность нации и государства.
2. Идентичность государства и индивида.
3. Отторжение чужих, преследование «пятой колонны».
4. Создание ретроимперии.
5. Традиционализм.
6. Военный лагерь, милитаризация.

7. Язычество, паганизация национальной религии.

8. Агрессия, экстенсивный характер развития общества.

Итак:

1. Фашизм – это национальная идея, которая понимается как идея общественного договора. Фашизм всегда обращается к патриотизму как к последнему оплоту государственности. Этническая гордость – последняя карта униженного населения; когда гордиться нечем, гордятся чистотой расы.

Национализм – последняя надежда ущемленного государства, патриотизм – это то, к чему прибегает правитель при отсутствии экономических, политических и философских основ бытия народа. Сначала национальную идеологию именуют патриотизмом. Граница между итальянским карбонарием, восстающим против Наполеона, и чернорубашечником Муссолини крайне условна. Эту границу пересекают по много раз в день: всякий чернорубашечник видит себя карбонарием, а всякий карбонарий, создав империю, становится чернорубашечником. Впрочем, фашизм сегодня гибок, настаивает не на расе, а на «идее расы». Что такое «идея расы», объяснить непросто; однако в это мутное понятие верят.

Можно не быть этническим русским, но исповедовать «русские» идеалы. Это трудно расшифровать. Нет специфического русского понятия блага, правды, прекрасного. Однако представление о специфическом русском идеале имеется.

Так же точно говорили о «германском понимании мужества» и т. п. В такой риторике имеется некое нравственное

начало: идея этноса – это (в понимании фашизма) условие общей судьбы людей. Фашизм ставит знак равенства между интересом одного гражданина и идеей нации, между идеей нации и правительством, эту национальную идею реализовывающим.

Национальную идею (то есть идею единства, фашины, идею сжатого кулака) принимают как моральную основу бытия. Популярное сегодня выражение «духовные скрепы», вообще говоря, имеет в виду не нравственный закон, а принцип объединения нации в единое целое. К морали и благу этот процесс скрепления народа не имеет отношения – скорее, слово «скрепы» наводит на мысль о крепостничестве.

2. Правительство и народ смыкаются в общее целое. Если вы отрицаете политическое решение правительства – вы выступаете против национальной идеи и тем самым выступаете против народа; противник правительства делается врагом народа.

Скажем, гражданин не согласен с решением правительства аннексировать Крым. Он не враг русского народа – он всего лишь не согласен с решением правительства. Но практика единения национальной идеи с правительством и государством превращают несогласного с политикой государства во врага народа.

Национальная идея, понимаемая как государственная, – этот компонент фашистской идеологии долго вызревал и много раз был отмечен и Бердяевым, и Соловьевым, и Лиха-

чевым. Знаменитая уваровская триада «православие – самодержавие – народность» – уже содержала семена националистического (в пределе и фашистского) государства; но существенно то, что православие позиционировало себя как наднациональная, вселенская религия. В той мере, в какой православие станет религией националистической, уваровская триада станет формулой фашистского государства.

Национальной идеей можно провозгласить и духовность, и соборность, но если внедрение соборной идеи будет сугубо тотальным, то эффект фашизации неизбежен. Российский философ XX века Иван Ильин или российский общественный деятель Дугин пишут о величии нации, отлитой в государство, как о высшем торжестве индивидуальной судьбы; для фашиста только через единение с государством, которое едино с народом, может состояться персональная судьба.

Взрыв преданности государству воспринимается как обретение собственной судьбы. Сегодня мы наблюдаем этот процесс в России. Преданность нации = преданность государству; преданность государству = преданность народной судьбе; преданность народной судьбе = преданность правительству; круговорот тождеств возникает сам собой, и всякий гражданин должен разделить судьбу народа, а судьба народа в руках правителя.

3. Фашизм означает такое изменение общества, при котором однородность коллектива выталкивает чужих. Таким «чужим» для фашистского государства всегда будет дисси-

дент или еврей.

По Ханне Арендт, антисемитизм – характерная примета тоталитаризма. Сегодня в мире вырос антисемитизм; появился он и в России, хотя во время перестройки антисемитизма не было. Антисемитизм был оттеснен антикавказскими настроениями, а сегодня он вернулся.

Думаю, это произошло закономерно: еврей для фашизма неуютен тем, что еврейство не имеет родной почвы, еврей не укоренен нигде, еврей – неудобный для обработки субъект: он не верит в почву и имеет своего отдельного Бога. Рискну усугубить это рассуждение, сказав, что еврейство не знает языческой старины – традиции еврейства не естественные. И болезненный микроб странствующего жида, исповедующего собственную веру, разлагает фашистский строй изнутри.

Еврей сегодня – опять агент иностранного капитала, подрывающего русский мир. Мы постоянно читаем про «жидобандеровцев», про тех, кто продал «русские идеалы». И неважно, что принципы капиталистической наживы (ростовщичество, спекуляции) усвоены русским бизнесом настолько, что вытеснили производство.

Неважно, что Россия сегодня – большой ростовщик, нежели любой жид. Критично важно лишь то, что еврей – это тот, кто не понимает смысла «русского мира», чужд великому замыслу. Национализм фашистского государства возникает вследствие обостренного чувства национальной справедливости: мы все работаем на благо отчизны, но есть те,

кто работает лишь на свое благо.

Приведу характерный пример аберрации понятий. Вот фраза сегодняшнего русского писателя: «Евреи должны быть благодарны России: Россия спасла их во время Второй мировой войны, а они вместо благодарности разорили ее».

Оспорить эту фразу можно, если понять, что Россия не спасала евреев: Россия сражалась с бесчеловечным режимом фашизма за принципы гуманизма.

Советский Союз отстаивал принципы интернационализма, которые исключают долг малого народа перед титульной нацией. Но если принять то, что Россия сражалась за Россию, а евреев спасала постольку-поскольку, то рассуждение совершенно справедливое. Однако в таком случае победа России над фашизмом становится явлением временным: сегодня русские разбили германский фашизм, а завтра вырастят свой собственный. Иными словами, необходимо понять: в войне с нацистской Германией сражалась ли Россия против принципов фашизма или сражалась за свой «русский мир»?

Это важное различие. Если война была с фашизмом, то еврей ничего не должен; если война была за «русский мир», то еврей навсегда в долгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.